

ПОДБОР И ПОДГОТОВКА РАБОТНИКОВ ВОЕНИЗИРОВАННОЙ ОХРАНЫ КАРЛАГА В 1930-Е ГОДЫ

Елеуханова С.В.

*Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова
г. Караганда*

Научные публикации по истории исправительно-трудовых лагерей периода 1930-середины 1950 гг. посвящены, как правило, проблемам принудительного труда СССР, организации и дислокации ИТЛ, количественного состава заключенных лагерей, становления и развития советской карательной политики.

Статья посвящена малоизученному аспекту советской пенитенциарной системы – охранам структурам Карагандинского исправительно-трудового лагеря, подбору и подготовке работников военизированной охраны Карлага в 1930-е годы. Автором вводятся в научный оборот ранее не опубликованные архивные источники. Исследование выбранной проблематики актуализируется в связи с повышенным вниманием к правам человека в целом. Признание Казахстаном ряда важнейших документов в области прав человека, закрепление в конституции Республики Казахстан признанных прав и свобод человека и гражданина – важные шаги в этом направлении. Все институты и понятия права должны исходить из интересов человека. Определяющим началом в такой работе может и должен служить прошлый исторический опыт. Поэтому изучение истории репрессивных органов, в частности, охранам структур Карлага, имеет научное академическое и общественно-политическое значение.

В конце 1920-х годов возникла большая потребность в кадрах для политико-правового аппарата принуждения и репрессий. Постановление Совнаркома СССР от 11 июля 1929 года «Об исправительно-трудовых лагерях» выдвинуло задачу организации лагерей в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке, в Средней Азии. Одним из важнейших условий её выполнения являлось укомплектование руководящего состава лагерей чекистскими кадрами. В апреле 1930 года вышел указ ГУЛАГа ОГПУ «О записи добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу вновь организуемых лагерей [1, л. 10]. Источниками пополнения рядов военизированной охраны Карлага являлись чекисты, демобилизованные служащие РККА, вольнонаёмные из гражданского населения, заключенные и бывшие заключенные.

Только высший командный состав Управления и отделений Карлага комплектовался кадровыми чекистами и вольнонаемными сотрудниками, которые составляли незначительное число. Несмотря на предложенные льготы, работники ОГПУ неохотно шли на работу в лагеря из своих элитных подразделений. Подбор рядового и сержантского состава ВОХР Карлага происходил преимущественно путём вербовки демобилизованных служащих РККА. Вербовка проводилась через военные отделы партийных комитетов на

местах, через областные военкоматы, комитеты комсомола, спортивные общества «Динамо» во всех городах Советского Союза. Так, приказом по Управлению Карлага НКВД 1931 г. в личный состав военизированной охраны лагеря были зачислены завербованные из частей РККА городов Полоцка, Тюмени и Камышлова. В каждое отделение взводов охраны Карагандинского лагеря прибыло от 40 до 60 завербованных демобилизованных военнослужащих [2, л. 372].

Внимание штаба ВОХР Карлага было сосредоточено не только на привлечении новых кадров, но и на закреплении на службе подлежащих демобилизации стрелков охраны. Важную роль в осуществлении этих планов сыграла пропагандистская и агитационно-массовая работа. Приём добровольцев и завербованных производился особыми комиссиями, образованными Управлением и штабом ВОХР лагеря в индивидуальном порядке. Желаящие представляли отзывы командиров и комиссаров частей о предшествующей службе или отзывы партийных и профсоюзных организаций.

Вопросы вербовки и подготовки кадров военизированной охраны Карлага не сходили с повесток дня партийных активов, совещаний при начальнике Управления лагеря и политотделе, подвергались тщательному анализу. Так, совещание политотдела и штаба охраны Карлага проанализировало итоги вербовочной компании 1931 г. Был отмечен общий негативный итог вербовки. Среди демобилизованных солдат имелось значительное число неграмотных и малограмотных людей [3, л. 107]. Армейский опыт этих людей с большей вероятностью толкал их на применение насилия, если возникали проблемы с заключёнными. Более важным было то, что их фундаментальное знакомство с советским режимом и его основными институтами ограничивалось военной службой.

Анализируя источники воспроизводства кадров охраны Карлага, нельзя обойти вниманием приток в неё вольнонаёмных из гражданского населения. Отбор претендентов проводился на основе Закона «Об обязательной военной службе», который определял классовый принцип формирования частей ВОХР лагерей [4, с. 20]. Директивы, приказы ГУЛАГа не позволяли допускать ослабление пролетарского и коммунистического ядра войск. Органы ОГПУ-НКВД сделали ставку на люмпенизированные слои общества, рассматривали их одновременно как свою опору и объект манипуляций, выдвигая выходцев из этих слоев на все должности ВОХР ГУЛАГа. Анкеты, заполняемые при поступлении на службу в ВОХР Карлага, содержали вопрос об имущественном и социальном положении анкетированного и его родителей до 1917 года. Сокрытие «чуждого» происхождения рассматривалось в 1930-е годы как тяжкое преступление и сурово наказывалось. В результате, для целого ряда категорий населения возможность работать в органах ОГПУ ограничивалась по национальному признаку, родственным связям, происхождению. Социальное происхождение было значимым, но не единственным и главным фактором, определявшим судьбу человека в послереволюционном обществе. К середине 1930-х годов резко сократилось

значение данного фактора. Его место заняли политическая благонадежность, идеологическая выдержанность. Умение всегда распознать врага партии, как бы ловко тот не «маскировался», признавалось основным качеством большевика [5, с. 41].

Показательна в этом отношении оценка бывшего заключённого, классика лагерной литературы А. Солженицына. Подтверждая тезис о том, что в тюремно-лагерную систему не может пойти человек способный хоть к какой-нибудь полезной деятельности, он писал: «Какую систему морального отбора устраивает им жизнь? Первый отбор – при зачислении в войска МВД, в училища МВД или на курсы. Всякий человек, у кого хоть отблеск был духовного воспитания, у кого есть хоть какая-то совестливая оглядка, различения злого и доброго, будет инстинктивно, всеми мерами отбиваться, чтобы только не попасть в этот мрачный легион. Но, допустим, отбиться не удалось. Наступает второй отбор: во время обучения и первой службы само начальство приглядывается и отчисляет всех тех, кто проявляет вместо воли и твёрдости доброту. И потом многолетний третий отбор: все, кто не представляли себе, куда и на что идут, теперь разобрались и ужаснулись. А кому-то и втягиваться было не надо: они с самого начала такие» [6, с. 123].

Высказывания А. Солженицына эмоционально преувеличены, однако его критический анализ кадровой политики ГУЛАГа, замечания о моральных качествах вохровцев не лишены основания. В 1930-е годы в ВОХР Карлага, в качестве рядовых стрелков, шёл набор людей, как правило, без специальности, образования, но наделённых обострённым классовым чутьём и имевших вкус к такой профессии. Объективная картина состояния профессиональной пригодности лагерных кадров была удручающей. Исправительно-трудовые лагеря обладали крайне незначительным числом подготовленных и образованных работников. Более 90% коммунистов Карлага если и имели какое-то образование, то не выше начального [7, л. 7]. Разительные противоречия между потребностями в лагерных кадрах и уровнем их подготовки рано или поздно должны были всплыть на поверхность. Эта проблема особенно обострилась в подразделениях военизированной охраны, где нужна была специальная подготовка.

Чтобы поправить создавшееся положение, руководство Карлага предприняло меры по развитию краткосрочных форм подготовки и переподготовки лагерных кадров. Рядовой состав военизированной охраны проходил двухнедельную подготовку по специальной программе непосредственно в своих подразделениях. Особое внимание командиры уделяли физической и военной выучке, изучению руководящих документов ОГПУ-НКВД по вопросам организации и несения караульно-конвойной службы. Только после проверки усвоения программы стрелки допускались к работе [8, л. 148].

Самой распространённой формой повышения культурного и профессионального уровня младшего и среднего начальствующего состава ВОХР Карлага являлись ускоренные курсы. Такой подход был целесообразен на короткий период, лишь для ликвидации, особенно острой нехватки

охраны в лагере. К тому же, курсы с сокращённым сроком обучения не столько готовили квалифицированные кадры, сколько решали проблему ликвидации неграмотности, уровень которой оставался по-прежнему высоким. В 1930-х годах были созданы четыре школы ОГПУ: в г. Новом Петергофе, г. Харькове, г. Бабушкине и г. Саратове. Задачами школ были не только подготовка чекистских кадров для планового пополнения органов ОГПУ, но и переподготовка действующего состава.

15 августа 1932 года при штабе ВОХР Карлага было учреждено учебное отделение. Занятия организовывались по категориям обучающихся: рядовой, младший, средний, старший начсостав. В учебную программу включалась политическая, огневая, строевая подготовка, оперативная служба [8, л. 148]. Стрелки охраны обучались грамоте, счёту, проходили общеобразовательные предметы. Приказы о ликвидации неграмотности считались боевыми.

Среди стрелков всеми способами культивировалось враждебное отношение к заключённым, внушалась мысль, что перед ними жесточайшие враги советского народа, особо опасные государственные преступники, поощрялось жестокое обращение с осуждёнными, строго карались всякие намёки на гуманность. Идеологические установки отразились на содержании образования, на всей партийно-политической работе. В начале 1930-х годов сложилась такая форма политического просвещения личного состава охраны, как политическая информация, главная цель которой состояла в том, чтобы знакомить бойцов с основами политики партии, с задачами военного строительства, советским законодательством и конституцией СССР. Успеваемость по боевой и политической подготовке влияла на служебную аттестацию командного состава охраны. В аттестации отмечались нижеследующие сведения: 1 Учебная характеристика. 2 Общие сведения. 3 Личные и служебные качества. 4 Общий вывод о подготовке и соответствии занимаемой должности [9, л. 75]. В 1932 году в систему командирской учёбы включалась марксистско-ленинская подготовка. Процесс пропаганды и даже непосредственного насаждения коммунистической идеологии и нравственности в исправительно-трудовых лагерях осуществлялся через Политический отдел Главного управления лагерей. В каждой директиве Политотдела ГУЛАГа подчёркивалось, что «история партии является важнейшим средством воспитания начальствующего и рядового состава, в первую очередь коммунистов и комсомольцев, с предъявлением особо повышенных требований к политработникам» [8, л. 148]. В соответствии с указанием Политотдела в Карлаге была введена единая система партийного просвещения. В низовой сети партпросвещения лагеря работали кружки истории ВКП(б) и текущей политики. Помимо плановых политзанятий с работниками охраны проводилась агитационно-массовая работа. Директива Главного управления лагерей от 14 февраля 1933 года разъясняла: «Массовая работа, в силу её гибкости, приспособленности к быстрому реагированию на волнующие вопросы личного состава, разнообразия форм и методов, может и должна стать одним из важнейших орудий повышения качества чекистско-боевой подготовки и воспитания» [10, с. 139]. Агитационно-

пропагандистская работа формировалась на основе плана Центрального Агитпункта Политотдела ГУЛАГа. Парторганизация лагеря ежегодно выделяла для пропаганды и агитации среди личного состава охраны около 400 опытных партийных работников [9, л. 75]. Политорганы Карлага использовали в пропагандистских мероприятиях среди вольнонаёмного состава многочисленные формы: доклады, лекции, собрания, митинги, индивидуальные и групповые беседы, кружки, наглядную агитацию и т.д.

Важное место в системе коммунистической пропаганды среди заключённых и сотрудников лагеря занимала печать. В системе ГУЛАГа выпускалось 37 наименований газет, из них : 5 – для военнопленных на иностранных языках, 2 – на немецком, по 1 – на румынском, венгерском и японском языках [11, с. 18].

Для сотрудников военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей издавалось 27 наименований многотиражных газет. В газете «Чекист» предназначенной для охраны Карлага содержалось строжайшее предупреждение: «Не подлежит распространению за пределами ВОХР», «Не подлежит оглашению», «Печатается для ВОХР». Делу воспитания личного состава охраны служила следующая установка: «Каждый чекист – это слиток металла, чекиста нет без стального закала», означавшая, что каждый чекист должен проявлять жестокость, беспощадность, бескомпромиссность и непримиримость к «заклятым врагам советской власти» [11, с. 123]. Классовая борьба, враги – одна из основных тем вохровской печати, как и всей печати страны в 30-е годы. Играя на патриотических чувствах людей, периодическая печать лагеря настойчиво требовала «подкрутить ту гайку, которая называется «классовая бдительность», «зорко охранять то, что строим», «найти врага там, где он действует в тихую, а не только там, где он по глупости орёт». «Классовые враги внутри лагеря ни на минуту не ослабляют своей вредительской работы», - предупреждали военизированную охрану [11, с. 124]. Вера в существование врага, в активную деятельность вредителей насаждалась в лагере не случайно. Людям втолковывалась мысль о второсортности общечеловеческих ценностей и идеалов – свободы, человеческой личности, нравственности. Компания и борьба за бдительность, за разоблачение «скрытых врагов» на страницах карлаговской периодики оформлялась в призывы, приказы, инструкции. Политработники войск делали всё для того, чтобы печатное слово стало мощным оружием в политическом, воинском и культурном воспитании бойцов и командиров. В системе военизированной охраны лагерей ОГПУ-НКВД-МВД печати отводилась роль помощника командования в налаживании дисциплины, в формировании «нового типа солдата – солдата пролетарской революции» [11, с. 125]. Характерными чертами языка лагерной прессы, как и всей идеологической машины сталинизма, были своеобразные клише и штампы, патетические по звучанию, но мало соответствующие истине. Это мистифицирование было направлено на превращение любого партийного решения в непреложную истину.

Сталинская идея об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму послужила основанием для политических репрессий 1930 х гг. Они не только обрушились на высший командный состав Красной Армии, но и затронули органы НКВД. Были подвергнуты репрессиям руководящие кадры Карлага. 29 декабря 1938 г. приказом по ГУЛАГУ № 212 старший лейтенант О. Г. Линин был снят с должности начальника Карлага НКВД и отдан под суд « за развал работы в лагере и вредительство». Ранее О. Г. Линин был награжден почетным знаком ВЧК-ОГПУ, боевым оружием, орденом Красного Знамени «за беспощадную борьбу с контрреволюцией» и Юбилейным значком имени 15-летия КАССР. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила к высшей мере наказания начальника 3 отдела Карлага старшего майора ГБ Добродецкого [8, л.148].

Бывший председатель КГБ Казахской ССР генерал-майор В.М. Мирочкин писал: «Архивные материалы изобилуют бездоказательными обвинениями в принадлежности к националистическим, пантюркистским, антисоветским, правотроцкистским, террористическим организациям, в проведении шпионской деятельности в пользу польской, финской, японской и других разведок» [12, с. 39].

В действительности имело место как сознательное истребление правящим режимом честных и преданных делу партии коммунистов, так и очищение органов НКВД от тех, кто явно злоупотреблял властью в корыстных целях. При этом оба процесса переплетались, причём второй помимо всего прочего камуфлировал первый.

Так, за 1939 год из НКВД было уволено 7372 человека (22,9 % от общей численности), из них 66,5 % за должностные преступления, контрреволюционную деятельность и по компрометирующим материалам [13, с. 73].

Аналогичные кадровые перемещения произошли во всех эшелонах власти. Так, если в 1921 г. в период первой генеральной чистки в Казахстане из партии было исключено 2,1 тысяч человек, то в 1929 -1930 гг. – 5,8 тысяч человек, в 1935 г. - 15,4 тысячи человек. В период репрессий 1937-1938 гг. из ВКП(б) было исключено 9.223 коммуниста [14, с. 323]. В конце 1938 г. были репрессированы все члены и кандидаты в члены ЦК КП(б) Казахстана и ревизионной комиссии. Арестованы все члены ЦК КП(б) Казахстана И. Курамисов, Б. Нурпеисов, Ж. Садвакасов, Н. Сыргабеков, К. Таштитов и др. В ноябре этого же года решением бюро ЦК КП(б) Казахстана сняты с работы 24 ответственных работника, в том числе 18 секретарей райкомов партии [15, с. 123-124].

К началу 1939 года была в целом завершена «кадровая революция». На ХУШ съезде ВКП (б) в марте 1939 года И.В.Сталин объявил, что за период с января 1934 года по март 1939 года на руководящие посты по государственной и партийной линиям было выдвинуто более 500 тысяч работников [13, с. 73].

Проводником кадровой политики стал партийный аппарат, позиции которого усиливались по мере роста партии, и её влияния на управление

страной. К концу 1930-х годов в Управлении кадров ЦК ВКП(б), начальником которого был Г. М. Маленков, имелся отдел кадров ГУЛАГа. Кадрами Главного управления лагерей ведало тринадцатое отделение Отдела кадров НКВД, которое в условиях острой нехватки кадров, способных проводить политику руководства и пригодных к тому или иному виду деятельности, занималось мобилизацией, постановкой на учёт и переброской на «горячие» участки соответствующих кадров коммунистов [14, с. 121].

В 1939 году на руководящие должности в лагеря было направлено свыше трёх тысяч коммунистов и более 1200 специалистов, только что окончивших вузы. Сотни коммунистов из аппарата ЦК ВКП(б), из Главной Академии пришли на работу в Центральный аппарат ГУЛАГа. Что касается образовательного уровня, то надо отметить, он был невысок: лиц с высшим образованием насчитывалось 8,8%, со средним – 22,4%, продолжали учёбу в вузах – 7,9%, остальные кадры (60,9%) имели образование в объёме нескольких классов школы [9, с. 88].

Растущая потребность в кадрах ИТЛ и колоний удовлетворялась проверенным способом мобилизации. В течение полтора-двух лет на службу в лагеря и колонии поступило более 150 тысяч новых работников. По выражению заместителя наркома НКВД В. В. Чернышова, ЦК превратился в те годы в «биржу труда», снабжая кадрами через районные комитеты партии всю лагерную периферию [14, с. 420]. Очевидны были и издержки в организации этого процесса. К их числу относилась, прежде всего, количественная недостаточность набора в охрану лагеря и неравномерность в уровне их квалификации. Направляемые на работу в НКВД комсомольцы и коммунисты с гораздо большей охотой шли в органы безопасности, чем в ГУЛАГ. В охрану не хотели идти, прежде всего, из-за субъективно тяжёлых условий службы и её крайне низкой престижности. Положение осложнялось не столько общей нехваткой кадров, сколько их абсолютной профессиональной непригодностью [14, с. 218]. В деле боевой и политической подготовки руководство Карлага проявляло формализм, безответственность. На первый план выдвигались задачи политической, а не качественной подготовки. Частое отвлечение стрелков на различные хозяйственные работы приводило к невосполнимым потерям учебного времени. Результат такой подготовки был везде один и тот же – не выполнение учебной программы. Такие причины как непрестижность профессии, необеспеченность жилплощадью, не благоустроенность быта, а также нерешенность проблемы организации конвойно-караульной службы приводили к значительной текучести кадров, отрицательно сказывающейся на закреплении в подразделениях охраны.

В кадровой политике исправительно-трудовых лагерей проявились два направления – добровольное и принудительное. К добровольному направлению, относился набор кадровых чекистов, вольнонаёмных граждан и вербовка демобилизованных военнослужащих Советских Вооружённых Сил. Принудительное – использование заключённых и бывших заключённых в службе охраны лагеря. Наблюдается приоритетная роль партийных органов

по отношению к структурам правопорядка, которая проявилась по основным направлениям кадровой политики, определении направлений ее деятельности. При подборе работников охраны Карлага уделялось внимание не столько их образовательному и профессиональному уровню, сколько социальному происхождению. Решающую роль играла оценка идейно-политических качеств. Под этим, как правило, понималась готовность безоговорочно следовать решениям партийного руководства.

Процесс подготовки личного состава ВОХР Карагандинского лагеря включал комплекс мер политического, административного, образовательного и идеологического характера. Сталинская кадровая политика при всём том, что она была мощным инструментом власти, содержала в себе органические недостатки, которые подтачивали организационно-политическую систему сталинизма. К их числу относится количественный недостаток набора в военизированную охрану Карлага и низкий уровень профессионализма её работников.

Список использованной литературы:

1. Архив Управления Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры по Карагандинской области (Архив ПС и СУ) Ф.16 Оп.7. Д.43.
2. Архив ПС и СУ Ф.16 Оп.5. Д.12.
3. Архив ПС и СУ Ф. 16 Оп. 11. Д. 567.
4. Гордиться службой во внутренних войсках // Отв.ред. А. П. Поздняков. –М., 1964. – 220 с.
5. Смирнова З. Г. В происхождении своем никто не виновен // Отечественная история. – 2003. – №4. – С. 38
6. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. 1918-1956. В 6 т. – Т. 6. – М., 1990. – 332 с.
7. Архив ПС и СУ Ф. 16 Оп.3. Д. 21.
8. Архив ПС и СУ Ф. 16 Оп.62. Д. 567.
9. Архив ПС и СУ Ф. 16 Оп.11. Д. 193.
10. Войска называются внутренними. Краткий исторический очерк // Отв.ред. И.К. Яковлев. – М., 1982. – 365 с.
11. Горячева А.Ю. Пресса ГУЛАГа (1918-1955). – М., 1996. – С.120-125
12. Шаймуханов Д.А., Шаймуханова С.Д. Карлаг. – Караганда, 1997. – 175 с.
13. Ваксберг А. И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. – М.: Книга и бизнес, 1992. – 349 с.
14. Иванова Г. М. Апогей и крах сталинизма. ГУЛАГ: государство в государстве. – М., 1997. – 511 с.
15. Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сб.док. / Отв. ред. Л.Д. Дегитаев. – Алматы: Казахстан, 1998. – 336 с.